КОНЦЕПЦИЯ СВОБОДЫ ВОЛИ У ШЕСТОВА В ДИАЛОГЕ С ТРАДИЦИЕЙ ИУДАИЗМА

ГЛ. Щетинин

Тема свободы человека - одна из основных, центральных в творчестве Льва Шестова. Для него само занятие философией, размышление и формулирование - это, прежде всего, ответы на собственные вопросы, на жизненно важные и больные проблемы, стоящие перед самим автором. И, как он сам пишет, философия «... есть великая и последняя борьба за первозданную свободу»[1].

Для иудаизма свободы воли человека, возможность для него свободного выбора - одно из немногих положений, которые не подвергались серьезному сомнению ни в одном из многочисленных движений, направлений и ответвлений этой религии, возникших в течение веков. «Свобода воли, - пишет известный израильский философ Дина Ратнер, - составляет отличительную черту иудейского религиозного мировоззрения. Всякий, начиная от Исава и Иакова, волен был выбирать. Выбор себя - суть ветхозаветного мис тического опыта. Принятие Т оры это тоже выбор, где высшая на уровне прозрения воля людей совпадает с волей Г оспода»[2]. Основываясь прежде всего на библейском откровении и его неоднократных призывах «выбери», иудаизм провозглашает личную ответственность человека за свои поступки, за свою жизнь.

Рассмотрим эволюцию взглядов философа на эту тему, параллельно соотнося их с библейским откровением и традициями иудаизма.

Размышления о свободе человека возникают уже в первой книге Шестова «Шекспир и его критик Брандес» и пройдут красной нитью через все произведения философа, видоизменяясь и отражая изменение его взглядов на этот важнейший вопрос.

Обратившись к героям Шекспира, философ пытается понять логику развития их жизней, выявить закономерности, определяющие события и поступки персонажей. Какова роль самого человека в построении своей судьбы? Что зависит от него самого? Способен ли человек изменять окружающую его действительность и свою собственную судьбу? Здесь впервые возникают понятия «необходимости» и «случая» в судьбе отдельного героя. Внимание автора привлекает , прежде всего, мотивация человеческих поступков, причем совершаемых в особых, максимальных по накалу трагических обстоятельствах. Здесь Шестов отвергает представление о гармоничности мира, который не хочет замечать трагедии отдельного человека, не принимая его в расчет, считая его лишь «... песчинкой на земном шаре, которая никакого влияния на его форму иметь не может»[3]. Шестов ставит себе задачу объяснить случайность.

Философ видит «...великое и универсальное значение Шекспира в том, что в этой беспросветной тьме он нашел путь. Т ам, где для нас хаос, случай, бессмысленная борьба мертвой, равнодушной, но бесконечно могучей силы с живым, чувствующим, но немощным человеком (т .е. там, где для нас область нелепого трагизма), - там поэт видит осмысленный процесс духовного развития. Под видимыми всем людям муками он открывает невидимую никому задачу жизни»[4].

В течение жизни взгляды Шестова будут меняться, и он уже не будет так просто и прозрачно объяснять смысл происходящей с человеком трагедии. Задачей автора в этот период было преодоление случая, в отношении которого он, вслед за Шескпиром, уверен, что «со случаем жить нельзя». И ради решения этой задачи он готов признать закономерность, и даже необходимость трагедии в жизни человека. Пьесы Шекспира, судьбы его героев как будто лишний раз подтверждают детерминированность поступков человека, определяемых создавшейся ситуацией, характером и мировоззрением героя, социальными условиями, общественным долгом и т.п. Но и здесь Шестов ищет , хотя и не всегда находит , свободу выбора, свободу воли человека. Является ли свободным выбором человека то, что направляет

[1] *Шестов Л.И.* Афины и Иерусалим // Шестов Л.И. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М., 1993. С. 335.
[2] *РатнерД.* Творчество - поиски Бога - поиски себя. Иерусалим, 2008. С. 14.
[3] *Шестов Л.И.* Шекспир и его критик Брандес // Апофеоз беспочвенности. М., 2000. С. 16.
Там же. С. 172.

его не извне, а изнутри, с чем невозможно бороться, чему невозможно сопротивляться - этот вопрос ставит Шестов в данной работе, констатируя на примере Брута: «... Не вне его раздавался повелительный голос, требовавший от него великой жертвы ради чего-то ему чуждого, а в нем самом. И этот голос покрыл собою все другие голоса»[1]. Это то, что называется совестью, и философ будет в дальнейшем уделять много внимания именно этой категории. Пока же, говоря о Гамлете, он пишет: «У него есть совесть - но она не вдохновляет, а лишь терзает его. Она не руководитель его - а судья, враг; палач. И он не смеет не преклоняться перед ней» [2]. Шестова волнует вопрос, в чем сила совести, этого внутреннего блюстителя требований категорического императива, на сколько она органична человеческому естеству. В судьбе Макбета он видит попытку освободиться от этих цепей, преодолеть власть совести, перестать зависеть от нее. Шестов приходит к выводу, что «... категорический императив есть лишь регулятор человеческих поступков, и его роль чисто внешняя, его сила полезна в том смысле, в каком полезна бдительность предупреждающих и пресекающих преступления органов полиции. Область нравственности начинается лишь там, где кончается категорический императив - всякое принуждение, хотя бы внутреннее»[3]. Философ стремится разрушить все препятствия на пути к свободе воли человека.

В ранний период творчества философ видит свободу воли в отрицании необходимости, в свободе от каких-либо ограничений и рамок. Но уже здесь он сталкивается с невозможностью полного отрицания, нигилизма, в связи с ограниченностью человеческой природы, его возможностей. В дальнейшем его убеждения серьезно меняются. Одним из самых максималистских его произведений является книга «Апофеоз беспочвенности», где от понимания свободы как возможности поступать наперекор своей природе, своим личным интересам, Шестов приходит к убеждению, что свобода именно в максимальном, крайнем проявлении этой личной заинтересованности, человеческого эгоизма. К нему приходит понимание, что любой протест , сопротивление чему-либо невозможны сами по себе, они всегда происходят ради чего-то. Для него Брут теперь воплощает идею несвободы, т .к. «... борется не за себя, а за идею, за призрак, который люди сделали Богом, Брут - не цель, а средство, не жрец, а жертвенное животное»[4]. Ситуация, в которой максимально реализуется человеческая свобода, есть ситуация, когда поступок, поведение человека определяются только его личностными индивидуальными качествами, а не внешними правилами или условиями. Освобождение для Шестова - это полная независимость от любых внешних условия, ограничивающих и принуждающих к чему-либо.

Дальнейшая эволюция взглядов философа обращает его взгляд от антропоцентризма к теоцентризму. Но обоснование направляющего всю жизнь человека Божественного присутствия является для Шестова как бы вынужденным, он прибегает к нему когда исчерпаны все другие возможности и аргументы, на грани отчаяния и смерти. И Бог для Шестова прежде всего означает возможность полного произвола в мире, отсутствия логических и причинно-следственных связей, Бога можно противопоставить необходимости в жизни, в истории. «Бога доказывать, искать Его в «истории» нельзя. Бог - воплощенный «каприз», отвергающий все гарантии»[5]. Бог для Шестова - постоянно находящаяся в процессе творчества живая личность, сотворившая этот мир и человека и постоянно присутствующая в их жизни и определяющая ее: «Будут ли они (люди) хвалить Бога или хулить... все равно решающий голос им не принадлежит . Не спрашивали людей, быть им или не быть, когда вызывали их к жизни из небытия, не спросят и теперь, когда от этой жизни призовут их к иному бытию или вернут в небытие»[6]. Для философа свобода имеет смысл только в контексте воли Божией: «Т олько там, в слиянии с Богом, там истина, там заветная цель наших устремлений»[7]. Мучащую его проблему соотношения свободы воли челов ека и Божественного произвола Шестов пытается разрешить, прибегая к идее диалога человека с Богом, их взаимосвязи, сотрудничества. Бог у Шестова «... создал небо и землю и человека по своему образу и подобию... и любит, и хочет, и волнуется, и раскаивается, и спо-

[1] *Шестов Л.И.* Указ. соч.. С. 79.
[2] Там же. С. 51
[3] Там же. С. 102.
[4] *Шестов Л.И.* Апофеоз беспочвенности. М., 2000. С. 593.
[5] *Шестов Л.И.* На весах Иова // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1993. С. 97.
[6] Там же. С. 190.
[7] Там же. С. 234.

рит с человеком, и даже иной раз уступает человеку в споре»[1].

Такие отношения человека с Богом характерны, прежде всего, для иудейского персонализма, представленного М. Бубером, они помогают Шестову разрешить противоречие между теоцентризмом, к которому он стремится, и антропоцентризмом, которым он не готов пожертвовать.

Всемогущество Бога, Его всесилие и продолжающееся постоянно творчество освобождает человека от власти необходимости, от законов природы, этого мира, дает высшую свободу. В иудаизме это находит подтверждение в многочисленных положениях, даже идею шабата там напрямую связывают со свободой человека. В повседневной жизни человек может быть подчинен обстоятельствам, другим людям, и шабат нужен именно для возвращение в состояние свободы, для освобождения от накопленного внутреннего напряжения, от власти материального мира, вещей. Само же существование шабата как бы подтверждает свободу Бога и его власть над миром, его совершенно свободный выбор освящения одного дня в неделю - седьмого. В таком выборе нет никакой природной закономерности, это не определяется никакими причинно-следственными связями, это абсолютно свободный, ничем не детерминированный выбор свободной личности.

Свобода для Шестова - это полная независимость как от внешних, так и от внутренних установок и правил. Он утверждает приоритет внутреннего хаоса, и любое стремление к системам, концепциям, правилам считает потерей свободы, ограниченностью и слабостью.

Особенно важной становится возможность чуда, нарушения жестких законов природы, объясняемая всесильностью Бога и возможностью для него нарушать им же созданные законы. В этом видит Шестов максимальную свободу, и уже мечтает о возможности человека, созданного по образу и подобию, преодолевать эти законы, творить вместе с Творцом. «Основная черта жизни есть дерзновение, тайна, вся жизнь есть творческая тайна, и потому вечная, не сводимая к готовому и понятному мистерия»[2]. Здесь проявляется несколько наивная вера Шестова в чудотворчество человека, в его неограниченные возможности, например, в действие «сверхъестественного глаза» у человека, «...при котором то, что он видит ... (по его воле), становится тем, что есть»[3].

Шестов всеми силами пытается противостоять необходимости и безнадежности, придумывает самые изощренные способы их избежать. Это становится делом всей его жизни, любимым и мучительным. Он все время пытается сохранить равновесие между библейским, надежным основанием, и живым, трепещущим человеческим миром, психологией отдельной личности.

В Библии мы находим упоминание о двух ипостасях, двух составляющих человека, его двойственной природе, из которой и происходит его внутренняя противоречивость. Об этом мы читаем в первых главах Библии, содержащих два рассказа о сотворении человека. В первой главе «сотворил Бог человека по образу Своему , по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт . 1.27). И несколько иное мы видим во второй главе: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт . 2.7). Эти два рассказа, которые нисколько не вызывают напряжения в религии иудеев, для Шестова стали источником противоречий и мучительных попыток их разрешения. Человек как объект , как существо материальное, чисто биологическое, созданное «из праха», подчиняющееся всем законам природы, и человек как субъект , наделенный Богоподобием, чем-то высшим, чем просто материя, природа - такова двойственность человеческой природы.

Эта проблема всегда была в центре внимания философии, и в разное время ее решали по-разному Философия экзистенциализма, к последователям которой мы относим и Шестова, всегда подчеркивала эту противоречивость человеческой натуры. Экзистенциализм видит в человеке одновременно и образ Божий, и «прах земной», и бесконечную сущность, и ограниченное во времени и пространстве существо. Оно как бы соединяет в себе небо и землю, высшее и низшее, бессмертное и тленное, материю и дух.

Иудаизм, в отличие от некоторых других религий, никогда не призывал человека к борьбе со своей природной сущность, никогда не видел в физических потребностях, в телесной жизни чего-то плохого, грешного. И Лев Шестов является верным

[1] *Шестов Л.И.* На весах Иова // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.1993. С. 13.
[2] *Шестов Л.И.* Соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1993. С. 168.
[3] *Шестов Л.И.* Указ. соч. Т. 1. М,, 1993. С. 363.

продолжателем и соратником подобного подхода, не отрицая ни одну из сторон человеческой жизни, не призывая к подвигам аскетизма, умерщвления плоти, но при этом придавая большое значения второй составляющей - духовному потенциалу , которым человек обладает . Для Шестова чрезвычайно важна уникальность каждой личность, именно это является для философа свидетельством богоподобия каждого человека, и не жертва ею, а, наоборот , сохранение своей индивидуальности, непохожести на других приближает человека к Богу . Шестов считает, что «... любовь к Богу не предполагает самоотречения в обыденном смысле этого слова, даже больше, любовь к Богу совершенно несовместима с презрением к себе»'. Превалирование в жизни конкретного человека материальной или духовной составляющей напрямую связано для иудаизма с его греховностью, с отпадением от Бога, игнорированием Его образа в себе.

Для Шестова образец - Адам до грехопадения, свободный, богоподобный, обладающий истиной не на уровне знания, а интуитивно, в откровении, не понимающий, а осознающий. Он живет и сейчас в человеке неудовлетворенном, неуспокоенном, ищущем, мятущемся - как бы помнящем об этой своей близости с Богом и ощущающем нехватку ее в своей жизни. Его антипод - «посредственный человек», в котором как бы умерла жизнь, успокоенный и довольный, знающий «как правильно» и имеющий ответы на все воп росы. Иногда при взгляде на человека Шестова охватывает бессильное отчаяние: «Не худшие из нас, а лучшие - живые автоматы, заведенные таинственной рукой и не дерзающие нигде и ни в чем проявить свой собственный почин, свою личную волю»[2]. Он видит и в себе этого проявляющегося время от времени «посредственного человека», но все-таки основное, лучшее в нем - дерзающая, свободная, живая натура, не согласная ограничиться лишь «правильным», но мечтающая о большем, о невозможном. Прозревая божественное величие в каждом человеке, Шестов ценит такого живого человека выше любых идей, концепций, установок, он для философа важнее общества и истории. Для Шестова «... отдельная человеческая жизнь имеет не меньше значения, чем все человеческие жизни вме сте взятые»[3]. И здесь его взгляды напрямую перекликаются с традициями иудаизма.

Библия говорит о совершенно особых отношениях Бога и человека, она отстаивает полноту человеческой индивидуальности, особенности каждого отдельного человека, и, соответственно, отношения возникают как персональные, очень личностные, между двумя субъектами. Человек не растворяется в Боге, не поглощается им, не теряет своих индивидуальных черт , он остается самостоятельной отдельной единицей. Ценность человеческой жизни в иудаизме - высшая ценность. У никальность библейского подхода к человеку, признание ценности человеческой жизни как важнейшей отражается даже в еврейском праве, единственном древнем праве, в котором, по исследованиям профессора М. Гринберга, имущественные преступления никогда не наказываются смертной казнью. Человеческая жизнь является самой большой ценностью и не измеряется никакими денежными эквивалентами.

Но уникальность отдельной личности в иудаизме сочетается с ее принадлежностью своей группе, своему племени, своему народу. Личность в иудаизме - всегда неразрывная часть такой общности, связанная с ней коллективной ответственностью.

Антропологические взгляды Шестова в чем-то похожи на то, о чем говорили софисты с их субъективизмом, имморализмом, релятивизмом, индивидуализмом. Но для Шестова главный смысл - в божественном потенциале, заключенном в человеке, в богоподобии в творчестве и свободе выбора. Он признается, что никакие иные качества человек не ценит и не любит больше, чем свободу , изменчивость, непредсказуемость, которые и есть сама жизнь. Он уверен, что «... основная черта каждого человека есть непостоянство, и привилегией непостоянства он больше всего дорожит: непостоянство ведь есть жизнь и свобода»[4].

Казалось бы, библейские правила и заповеди ограничивают человека, но сформулированные в Библии заповеди, следование которым определяется как воля Божия, оставляют человеку свободу в выборе - следовать им или нет, и но он несет полную ответственность за свой выбор. Человек сам своими поступками, своим выбором определяет те следствия, причиной которых он является. Свобода

[1] *Шестов Л.И.* Protestas clavium (Власть ключей) // Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1993. С. 144.
[2] *Шестов Л.И.* На весах Иова // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1993. С. 28.
[3] Там же. Т. 1.С. 74.
[4] Там же. Т. 2. С. 228.

выбора, возможность следовать или нет предписанным правилам и заповедям - то, что роднит человека с Богом, свидетельство его богоподобия. Библия недвусмысленно говорит нам о свободе человека, когда он слышит призыв «избери»: «жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30.19). Здесь мы видим яркий пример того, как Г осподь ставит человека перед выбором, предупреждая его об ответственности за тот выбор, который он сделает.

Известный еврейский философ и богослов Рамбам пишет: «Воля дана каждому человеку . Если он хочет обратить себя на хороший путь, быть праведником, он имеет такую возможность, и наоборот ... Каждый человек может быть праведником, как Моше, У читель наш, или злодеем, как Иеровам. И никто не вынуждает его и не решает за него, и не влечет по одной из дорог . И он по своему разумению выбирает свой путь, по которому он хочет идти. И грешник теряет себя, о чем ему следовало бы плакать. Это - великий принцип, столп Т оры и заповедей»[1]. Уже в первых главах Библии мы находим подтверждение свободе выбора человека - вкушение плодов с дерева познания добра и зла. Человек переступает запрет Бога, нарушает данное обещание, идет против воли Т ворца, и несет полную ответственность за свой поступок. В момент принятия решения человек свободен в своем выборе. Если бы Бог все решал за человека, руководил каждым его действием и поступком, какой смысл был бы в Его предупреждениях, заповедях и т .п. В иудаизме «... закон - не только юридически обязательный минимум нравственных поступков, Закон предполагает откровение, ибо откровение, равно как и вдохновение, нисходит к ищущему, идущему навстречу Богу. Основа Закона — свобода. Религия Израиля, где человек ведет разговор с Богом один на один, диалог без посредника является свободной твор ческой религией. Более того, иудаизм начался со свободного выбора. Авраам, постигший единое начало мироздания, является родоначаль ником нового мироощущения человека - человека, стоящего перед лицом Творца. Близость к Богу — характерная особенность иудаизма, и нет между тобой и юсподом никого, кто бы мог взять на себя твои грехи; мы сами ответственны за свой нравственный выбор... Избран ничество осмысляется не на уровне повелений и запретов, а как добровольный союз. По сей день свобода выбора остается за человеком. Нет ига заповедей, каждый исполняющий Закон создает самого себя. Соблюдение Закона для еврея - его нравственная свобода; в данном случае внешнее поведение человека - следствие его духовной ориентации»[2].

Одним из парадоксов такого видения является его сочетание с уверенностью во всеведении Бога, в том, что Он знает все наперед. Раби Акива в своем трактате «Авот» напишет: «Все предвидено, но воля дана». Именно это утверждает классический иудаизм, несмотря на парадоксальность и иррациональность такого утверждения. В иудаизме даже не ставится вопрос о том, как согласовать столь противоречивые утверждения, они просто принимаются на веру, и тем снимаются все противоречия. «Вопрос о том, как согласовать одно с другим, не ставится, потому что прежде чем получить противоречие, нужно сначала провести рефлексию. Итак, в Т оре нет противоречия не потому, что она хитроумно его разрешает, а потому , что противоречие есть после того, как начинаешь задумываться рефлексивно. А на уровне Торы никакой рефлексии нет, поэтому нет и противоречия»[3].

На уровне экзистенциальной философии вопрос решается, исходя из ощущения самого человека, что является главным и не подлежащим сомнению аргументом. Свобода выбора существует , потому что я так считаю, это мой выбор, и я имею право верить в это, равно как и во всезнание Бога, и ничуть не должен логически согласовывать эти два утверждения. Я хочу в это верить, и я полностью отвечаю за свой выбор. Первичным является мое ощущение, которое для меня равносильно факту, и теория, логика могут помочь мне объяснить и упорядочить эти факты. Если же теория не в состоянии это сделать, то значит, плоха именно теория, не работает обычная логика, а факты не перестают быть фактами. Именно такие взгляды мы находим в более поздних произведениях Шестова.

И следствием этого является личная ответственность каждого человека за свой выбор, за свои поступки, а в иудаизме также ответственность друг за друга и общая ответственность всего народа перед Богом. Коллективная ответственность не отменяет, а лишь дополняет и усиливает личную.

[1] *Ромбам. Яд Хазака.* Цит по: Бен-Шломо Й. Введение в фил* |фию иудаизма. Иерусалим, 1994. С. 72.
[2] *РатнерД.* Творчество - поиски Бога - поиски себя. Иеруса; 1, 2008. С. 29.
[3] Полонский Пинхас. Введение в философию иудаизма. Курс кций. http://lih.rus.ec/h/43891. С. 96.

Результатом размышлений философа становится обоснование теоцентризма, причем понимание его именно в традициях иудаизма. Человеческая свобода для него как бы ограничивается рамками божественного произвола, но сама богоподобность человека и возможность личных отношений с Богом снимают эти ограничения. Теоцентризм Шестова во многом определяется его выводами, да и личным опытом, что полная «беспочвенность» неминуемо ведет в духовной пустоте, а также в неспособности человека освободиться от влияний социума, культуры, истории, всего, что ограничивает и во многом предопределяет человека. Из двух зол он как бы выбирает меньшее, соглашаясь ограничиваться Божьей волей и находя в этом ту степень свободы, которая в какой-то мере удовлетворяет его.

Шестов приходит и к еще одному выводу , что несвобода человека, ограниченность его воли непосредственно связана с тем, что человек сделал своим господином разум, подчинился ему а власть разума и свобода несовместимы. Этой теме будет посвящено много места в его произведениях, центральной она станет в знаменитой работе «Афины и Иерусалим». Именно в торжестве необходимости над свободной волей человека видел Л. Шестов губительные последствия принятия эллинской куль туры: «Смысл "падения человека" и действие плодов от дерева познания добра и зла очевидно состоит в том, что в пустом призраке, в бессодержательном Ничто человек вдруг начинает видеть всемогущую необходимость. Оттого всё, что делает падший человек для своего спасения, ведёт его к гибели. Он хочет уйти от "необходимости" и превращает её в неизменность, от которой уже уйти некуда. С необходимостью он не может бороться - но он может её проклинать, ненавидеть. Пред неизменностью он принуждён преклониться»[1]. Беспредельная свобода, царящая в мире, есть высший закон существования, и в открытии ее заключается высшее предназначение человека, ибо, открыв ее, человек освобождается от ужаса перед необходимостью и обретает ту свободу и право на произвол, которую он утерял, доверившись разуму . Его задача вернуться к тому Богу , который создал его свободным по своему образу и подобию. Но знание этой высшей из истин приобретается лишь с обретением веры в откровения Священного Писания.

И именно акцент не на познании, не на разуме, а на откровении освобождает человека, снимает рамки и ограничения и дает возможность взаимодействия с Творцом и уподобления Ему в творчестве, а, значит, и в свободе. Исходя из этих представлений Шестова, экзистенциальная философия совсем по иному видит процесс познания, «... она не вопрошает, не допрашивает, а взывает, обогащая мышление совсем чуждым и непостижимым для философии умозрительной измерением. Она ждёт ответа не от нашего разумения, не от видения - а от Бога. От Бога, для которого нет ничего невозможного, который держит в своих руках все истины, который властен и над настоящим, и над прошлым, и над будущим»[2].

Шестова нельзя поставить в какой-то ряд, на определенную полочку, навесить на него ярлык. У «библейского философа», как его часто называют , можно встретить и такие неожиданные мысли: «А может, и так: одних людей создал Бог , другие сами, против воли Бога, проложили себе путь к бытию?».

Выбирая между закономерностью и случайностью, Шестов саму случайность делает закономерностью, и, наоборот, закон становится случаем, свободным выбором. Всеми силами души любя свободу, поклоняясь ей, он в итоге выбирает «несвободу» божественной воли, находя в этом компромиссе некоторое, пусть временное, успокоение. Но поиск продолжается до конца жизни философа. Неудовлетворенность достигнутым ведет его дальше и дальше, философ «беспочвенности», он все время пытается обрести почву, опору для себя, и все время отрицает найденное и продолжает это бесконечное движение, как будто повторяя судьбу Каина, обреченного быть вечным «изгнанником и скитальцем на земле» (Быт. 4.12).

Закончить хочется словами философа, наиболее точно отражающими резуль таты поисков всей его жизни: «Пред лицом Т ворца нет законов, нет «ты должен», нет принуждений, все цепи с человека падают... Пред лицом Т ворца в человеке оживает подлинная, сотворенная Богом свобода, свобода, которая есть ничем не ограниченная, беспредельная возможность - как свобода самого Творца»[3].

© Щетинин Г.А.

[1] *Шестов Л. И.* Афины и Иерусалим // Шестов Л. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1993. С. 504.
[2] *ШестовЛ.И. Николай Бердяев*. Гнозис и экзистенциальная философия // Шестов Л. Сочинения. М., 1995. С. 402.
[3] Там же.